

Елена Сельченко,
БГУ, Минск

ИДЕИ МАРКИОНИЗМА В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА»

В 1889 году увидела свет повесть Л.Н. Толстого «Крейцерова соната», вызвавшая жаркую полемику в литературных кругах. Тематика ее была действительно провокационная. На примере частного случая убийства героем из ревности своей жены, Толстой выстраивает целую концепцию семьи, брака и любви – в первую очередь, в ее телесном проявлении. Это не единственное произведение, в котором писатель затрагивал эти темы в подобном ключе. В рассказе «Дьявол» (1889–1890) и в повести «Отец Сергей» (1890–1898) также остро ставятся проблемы любви, брака и чистоты семейных отношений. Общий вывод, который делает Толстой, сводится к тому, что плотская любовь есть зло, которое должно преодолеть.

Такой подход не был свойствен для морали, идеологии, религиозности тогдашнего светского общества и выглядел экзотично. Источник этих идей, высказанных Л.Н. Толстым в повести «Крейцерова соната», отдален от творчества писателя на семнадцать веков. На наш взгляд, этим источником является гностическая традиция в широком смысле и маркионизм – в узком.

Гностицизм – религиозно-философский феномен периода Поздней Античности. Традиционно гностицизм обозначает совокупность разнообразных религиозных учений, появившихся вокруг и около христианства во II – III вв. н.э. Всем этим течениям были присущи: понятие «гнозиса» (знание, дарованное в откровении), отрицание тварного мира (антикосмизм), представление о материи, как источнике зла, который должен быть уничтожен, а также специфическая сотериология, согласно которой человек спасался сам путем самораскрытия своих духовных сил в обретении гнозиса (религия самоспасения). Мир и тело человека, по мнению гностиков, созданы неистинным Богом, а потому не могут быть освящены и спасены.

Гностицизм включал в себя очень разноплановые учения, порой очень непохожие друг на друга. Одним из таких учений был маркионизм – учение Маркиона – «опаснейшего из гностиков» [4]. Маркионизм всегда стоял особняком в гностической традиции, и некоторые ученые даже склонны выделять его из гностицизма.

Маркион был отлучен от служения своим отцом, епископом города Синопа в Понте, но добивался признания от христианских общин. В 144 г. был отвергнут Римом и учредил свою собственную церковь, которая была первой церковной общиной, основанной на законченном толковании Евангелия и на строго ограниченном собрании христианских книг. Эта церковь, по словам Тертуллиана, заполонила собой весь мир: общины рассеялись на пространстве от Галлии, Италии и Африки до Малой Азии, где они и существовали до VI в. Позднее они слились с манихейством и возродились в ересь – богомилов в Болгарии (XI–XII вв.) и катаров (альбигойцев) в Европе (XI–XIV вв.). Маркионистская церковь изначально соперничала с ортодоксальной христианской и почитала себя истинной.

Уникальность позиции Маркиона в гностической мысли в том, что он не обращался к мифологическим построениям, понимал Евангелия буквально и не делил людей на избранных и всех остальных.

Маркион, признанный св. Поликарпом за «первенца Сатаны» [4], как последователь апостола Павла, хотел сохранить и продолжить его дело, со всей остротой переживая противоречия закона и благодати, справедливости и любви, необходимости и свободы, добра и зла. Но Маркион превратил противопоставление закона и благодати в проповедь о двух богах, и в этом оказался вполне гностиком. Н. Бердяев в своей статье «Маркионизм» даже назвал Маркиона «атеистом»: «Если атеист противоположен теистическому учению, согласно которому мир сотворен Всеблагим Богом, открывшим себя в Библии, то Маркион был атеистом» [2].

Как и все гностики, Маркион восстал против Бога Библии, против Творца и противопоставил Ему Христа как другого – иного Бога, который не создавал этот мир и непричастен ко злу этого мира. Н. Бердяев писал о маркионизме, что последний «означает острую постановку проблемы теодицеи» [2]. Свидетельства из Ветхого и Нового Завета о различии Христа и Бога Ветхого Завета были собраны Маркионом в трактате «Антитезисы». Именно Маркион предпринял первый опыт составления канона Писания, и уже его примеру затем последовали отцы церкви. Последние выступили против Маркиона как злейшего еретика. В спорах с ним развивалось учение ортодоксальной церкви и определялся объем Нового Завета.

Истинный Бог чужд и неведом миру и Творцу его, Бог Неведомый. Он спасает людей: не всех, а тех, кто по Закону Демиурга является грешником, но ведет аскетическую жизнь, воздерживается от брака, умерен в пище и питье. Маркион исповедовал строгий докетизм (отрицание человеческой природы Христа), утверждал, что лишь души людей спасутся, отрицал второе пришествие. Поскольку

материя (а, следовательно, и все, связанное с человечески телом) создана несправедливым богом и привязывает к злему миру, она не может спастись, очиститься, воскреснуть, в нее не может воплотиться истинный дух. Поскольку человеческая природа неисправимо испорчена, маркионизм проповедовал жесточайшую аскезу. Любопытно отметить, что младшие современники Л.Н. Толстого, в частности Д.С. Мережковский описывали религиозные воззрения писателя примерно в тех же выражениях, которые характеризовали учение Маркиона: «Толстовский нигилизм – один из многих симптомов болезни, охватившей весь христианский мир, - болезни бесплотной духовности...Он отрицает все три тайны Святой Плоты, заключенные в христианских таинствах и догматах: тайну Воплощения, тайну Приобщения (Евхаристии), тайну Воскресения Плоты... Он восстал на церковь, потому что восстал на плоть, потому что не хочет никакой плоти, гнушается всякою плотью, как чем-то грубым, грешным, грязным, мертвым, бездушным, потому что не верит в Святую Плоть, а верит только в бесплотную святость» [5, с. 201].

В аскетизме Маркион доходил до запрещения брака как такового и рождения детей как умножения злой материи. Схожие воззрения мы без труда обнаружим в «Крейцеровой сонате»: «Дети – мученье, и больше ничего... Невыгодно и потому нежелательно иметь детей» [6, с. 158]; «Из страстей самая сильная, и злая, и упорная – половая, плотская любовь, и потому если уничтожатся страсти и последняя, самая сильная из них, плотская любовь, то пророчество исполнится, люди соединятся воедино, цель человечества будет достигнута, и ему незачем будет жить» [6, с. 146].

Аскетизм Маркиона был не этическим, а метафизическим: «Не желая помогать продолжению мира, созданного Демиургом, маркиониты провозглашали воздержание от супружества, бросая вызов их Творцу и торопя Благое, который призвал их и который, как говорят они, является Богом в другом смысле: поэтому, не желая что-либо оставить здесь внизу, они обратились к воздержанности не из нравственных соображений, но от враждебности к их создателю и нежелания использовать его творение», – писал Климент Александрийский [цит. по 3, с. 153]. Некоторые отцы церкви (например, Тертуллиан) также именовали брак «развратом» и «непристойностью». Но у Маркиона именно размножение, как продление во времени и пространстве несправедливой материи дискредитирует в глазах маркионитов сексуальность как таковую. «Зачем ему продолжаться, роду-то человеческому?» [6, с. 146], – вопрошает герой Толстого: «Высшая порода животных – людская, для того чтобы удержаться в борьбе с другими животными, должна

сомкнуться воедино, как рой пчел, а не бесконечно плодиться; должна так же, как пчелы, воспитывать бесполок, то есть опять должна стремиться к воздержанию, а никак не к разжиганию похоти, к чему направлен весь строй нашей жизни. Род человеческий прекратится? Да неужели кто-нибудь, как бы он ни смотрел на мир, может сомневаться в этом?» [6, с. 147].

По Маркиону человек должен быть спасен от всего, что он есть и что его окружает, от мира, от закона, от греха, от собственного я, от справедливости – одним словом, от всего естественного. «Половая страсть, как бы она ни была обставлена, есть зло, страшное зло, с которым надо бороться, а не поощрять, как у нас. Слова Евангелия о том, что смотрящий на женщину с вождением уже прелюбодействовал с нею, относятся не к одним чужим женам, а именно – и главное к своей жене», – говорит в «Крейцеровой сонате» Позднышев [6, с. 148].

Гностицизм и маркионизм оказали огромное влияние как на ортодоксальное христианство, так и на христианские ереси. Часть идей Маркиона была усвоена и переработана историческим христианством, часть – отвергнута и постфактум причислена к ереси. Неудивительно, что А.Л. Хосроев называет гностицизм «александрийским христианством», поскольку монодуализм является одной из основных особенностей христианского мировоззрения. Радикальный подход Маркиона оказывается идеологически ближе всего к ортодоксии, а значит, первым проявляется при борьбе с ней – в богоборчестве и богоискательстве.

Маркионистская традиция резкого противопоставления Закона и Благодати прочно вошла в православное богословие. Достаточно вспомнить «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Чувствительность русской культуры к маркионизму отметил еще Адольф фон Гарнак [2]. Поскольку русская религиозная традиция наследует Византийской, частью которой были и богомилы как преемники маркионизма, то многочисленные русские ереси неоднократно прямо или опосредовано содержали и развивали маркионистские идеи (в переработанном и дополненном виде): отрицание плоти, доходящее до крайности (скопцы, хлысты, духоборы), отрицание человеческой природы Христа, допускающее, что дух его может вселяться в разные тела (христоверы) и т.д. В качестве подтверждения восприимчивости русской литературы этого периода к гностическим идеям можно вспомнить героев Ф.М. Достоевского: теодицея и отвержение мира Иваном Карамазовым, отрицание мира через противопоставление ему человека «не от мира» и в какой-то мере «скопца» (по болезни) – князя Мышкина, в бывшем доме скопцов живет Рогожин.

Л.Н. Толстой воспринял идеи, родственные маркионизму как человек, воспитанный в лоне русской православной культуры и как человек, вступивший в полемику с ортодоксальной церковью. «Мироощущение и мирознание Льва Толстого вполне внехристианское и дохристианское во все периоды его жизни... На зло Толстой смотрит рационалистически, сократически, в зле видит лишь незнание, лишь недостаток разумного сознания... Зло коренится не в иррациональной воле и не в иррациональной свободе, а в отсутствии разумного сознания, в неведении... Для него так же не существует личного Бога, как не существует личного бессмертия», – писал Н. Бердяев [1, с. 177–183].

Так, к путям рецепции Толстым идеей маркионизма можно отнести не только саму религиозную традицию (как ортодоксальную, так и еретическую), но и литературную («Слово о Законе и Благодати»). Лев Николаевич интересовался русскими сектами (христоверы, скопцы, духоборы). В судьбе духоборов он принимал активное участие. Слова из Евангелия от Матфея, взятые писателем в качестве эпиграфа к «Крейцеровой сонате», сразу напоминают читателям того времени об одной из действовавших тогда религиозных сект – секте скопцов: «Ибо есть скопцы, которые из чрева материнского родились так, и есть скопцы, которые сделали себя скопцами от царства небесного» (Мф. 19, 12). О скопцах же напоминают и слова героя повести: «...а заикнись только о том, чтобы воздерживаться от деторождения во имя нравственности, -- батюшки, какой крик: род человеческий как бы не прекратился оттого, что десяток-другой хочет перестать быть свиньями» [6, с. 146].

Сама эпоха конца XIX – начала XX века характеризовалась напряженным вниманием искусства и философии к иррационализму, мистике, поиску тайного знания, эзотерике. Именно тогда гностические идеи были описаны Адольфом фон Гарнаком («История догматов»), В. Соловьевым, С. Трубецким, С. Булгаковым, Н. Бердяевым, Л. Карсавиным, и нашли отражение в оккультно-мистических поисках Е. Блаватской, Элифаса Леви, Эдуарда Шюре («Великие посвященные») и др. В этот период «исторический гностицизм» становится предметом научного изучения с появлением работ В.В. Болотова («Учение Оригена о Святой Троице») и В.С. Соловьева («Гностицизм»). В 1912 году выходит ставшая классической книга М.Э. Поснова «Гностицизм II века и победа христианства над ним». Само собой такой работе должны были предшествовать несколько десятилетий активного интереса к гностическим идеям. В 1928 году в журнале «Путь» выходит статья Н. Бердяева «Маркионизм», в которой он констатирует возрождение маркионизма: «Современные противники церковного христианства

пытаются бить его с помощью своеобразного возрождения маркионизма... И современные маркионисты сражаются против отвлеченного монотеизма и противопоставляют ему антитеизм и атеизм» [2]. Отдельно стоит отметить софиологию В. Соловьева, воспринявшего многие традиции гностицизма через призму западно-христианской традиции.

Все это было элементами религиозно-философского контекста эпохи, в которую и была написана повесть «Крейцера соната». Таким образом, у Л.Н. Толстого было достаточно каналов для опосредованного восприятия гностических идей, в частности – исконно маркионистских. непосредственно и целенаправленно изучал идеи Маркиона, но каналов восприятия этих идей опосредованно у него было предостаточно.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого / Н. А. Бердяев // О религии Льва Толстого [Электронный ресурс]. – М. : Путь, 1912. – III, 248 с. – Режим доступа: <http://predanie.ru/lib/book/184879/>. – Дата доступа: 18.10.2015.
2. Бердяев, Н. А. Маркионизм [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/path/12/6>. – Дата доступа: 18.10.2015.
3. Йонас, Г. Гностицизм (Гностическая религия) / Г. Йонас. – СПб. : Издательство Лань, 1998. – 384 с.
4. Карсавин, Л. П. Святые Отцы и Учители Церкви [Электронный ресурс] / Л.П. Карсавин. – Режим доступа: <http://mstud.org/library/k/karsavin/karsav03.htm> – Дата доступа: 18.10.2015
5. Мережковский, Д. С. Л.Толстой и Достоевский / Д. С. Мережковский. – М.: Наука, 2000. – 585 с.
6. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т./ Л. Н.Толстой. – М. : Художественная литература, 1982. – Т. 12: Повести и рассказы. 1885–1902. – 478 с.